

ХИРВОНЕН П. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ХИРВОНЕН Павел Иванович. С одиннадцати лет батрачил, с 1914 — воевал на фронте, был ранен, контужен и отравлен газами. С 1918 — добровольцем в Красной армии, с 1922 — после демобилизации крестьянствовал в родном селе, в 1930 — вступил в колхоз, с 1931 — работал в МТС. С 1932 — работал инструктором в областном комитете взаимопомощи, в 1933 — исключен из колхоза, затем выслан в Среднюю Азию.

В ноябре 1936 — обратился за помощью к Е. П. Пешковой.

<29 ноября 1936>

«Председателю по оказанию помощи политзаключенным
Екатерины Пешковой

от гр<ажда>на Хирвонен Павел Иванович,
дер<евня> Кямерязи Финно-Высоцкого
с<ель>с<вета> Пригородного р<айо>на
Ленинградской обл<асти>

Заявление

Я, бывший доброволец Красной Армии, участник походов против Юденича <на> Ямбургском фронте, против белофиннов в Карелии.

Сын бедняка, сам с 11-ти летнего возраста до призыва на военную службу работал в батраках. Перенес все тяготы Империалистической войны, был два раза ранен, два раза контужен и газами отравлен. В октябре 1918 г<ода> поступаю добровольно в Красную Армию в Петроградскую Кавалерийскую школу красноармейцем. Демобилизован из РККА в июне 1922 г<ода>. Сразу после увольнения меня из РККА меня избирают в с<ель>с<вет>, где я работаю несколько созывов, в то же время я работаю и в других общественных организациях, как-то: чл<ен> Правления потреб<ительского> о<бщест>ва 1922 и 1923 г<одов>; организатор и Пред<седатель> Правления <нрзб.> о<бщест>ва <с> 1926 по 1930 г<од>; Председатель Комитета Взаимопомощи с 1927 по 1931 г<од>; чл<ен> Президиума Районного Комитета Взаимопомощи 1927-1933 г<одов>; член Правления поселкового т<оварищест>ва 1930-31 г<одов>. За хорошую работу был премирован не только я, но и те организации, которыми я руководил. Инициатор по организации колхозов не только в своей деревне, но и в соседних деревнях.

В 1931 г<оду> меня затребовала 1-я Пригородная МТС на работу в качестве инструктора счетовода, уволен <в> 1932 году по сокращению штатов. После этого меня мобилизует Районный Комитет Взаимопомощи на работу в качестве инструктора, откуда впоследствии был направлен на работу в Областной комитет Взаимопомощи, где работаю до 4-го марта 1933 г<ода>, уволен как индивидуально обложенный. Индивидуально меня обложили, якобы я применял с целью эксплуатации наемный труд с 1917 по 1931 г<од>, т<о> е<сть> 14 лет, персонально: Хеймонен Адам, Хеймонен Елизавета и Хеймонен Айно (дочь первых двух), что я сдавал за деньги молотилку <в> довоенное время, что я и моя жена занимались покупкой и продажей скота. Это мною было апеллировано <в> Пригородный РИК, где я доказывал, что гр<ажда>нин Хеймонен Адам, Елизавета и Хеймонен Айно являются членами одной семьи, т<о> е<сть> муж, жена и дочь, и что они у меня ни одного дня не работали по следующим причинам:

1) Хеймонен Адам <в> 1917 году был в армии, как и я, естественно <я> не мог его эксплуатировать, 2) Хеймонен Адам имел втрое больше

хозяйство, чем я, и единственными работниками в хозяйстве были он, Хеймонен Адам, и его жена Елизавета, которую приписывают мне работницей, 3) Хеймонен Айно в 1917 году была в годовалом возрасте от роду, и в 1931 году <ей> было только 14 лет. Что мое хозяйство было настолько бедное, что оно не нуждалось в наемных рабочих, потому что я и мой брат еще до войны сами батрачили, 5) что у меня никакой молотилки ни <в> довоенное, ни <в> послевоенного времени не было, а часто и лошади в хозяйстве не было, молотилку я приобрел <в> 1929 году, и за плату ей никто не пользовался, 6) что ни я, ни моя жена никакой скупкой и продажей скота не занимались. Здесь приписывают продажу скота на мой счет, когда я работал в Поселковом т<оварищест>ве. Поселковое т<оварищест>во закупало коров и лошадей для своих членов через своего агента Сабурова, а я, как член правления, оформлял торговые сделки с членами т<оварищест>ва, не больше и не меньше.

Вторичным своим постановлением РИК все пункты снял, как неверные, но оставил эксплуатацию Хеймонен, только с сокращенными сроками не 14 лет, а 5 лет; после моей вторичной апелляции РИК еще снизил эксплуатацию, только Адама на 5 лет, остальных лиц снял, считая очевидно ненужным полную ликвидацию этого пункта.

Применение наемной силы в моем хозяйстве имело место с 1924 по 1927 г<од> около 4-х лет по следующим причинам: моя жена была больна и в это время родила троих детей: 26/IX 1923 г<ода> родился сын Валтер, 27/II 1925 г<ода> родился сын Виктор, 19/V 1926 г<ода> родилась дочь Нина, — и кроме того имела на своем иждивении полоумную мать старуху 65 лет, которая иногда доходила до буйного состояния, и естественно нуждалась в уходе. Я был перегружен общественными выборными работами и по закону имел право применять наемный труд в таких размерах, как я имел, работницу или няньку, и не подлежащим к индивидуальному обложению, ибо оно не носило характер обогащения хозяйства за счет чужого труда. Мое хозяйство всегда было трудовым, таковым оно осталось до вступления в колхоз <в> 1931 г<оду>, куда все имущество было сдано, согласно уставу колхоза, в колхозе я был 3 года до обложения в индивидуальном порядке. Весь этот неправдоподобный и неверный материал сфабрикован группой односельчан, кому я действительно насолил и через советскую печать, и путем выступления на собраниях. Особенно убийственно подействовала моя заметка в Областной газете "Крестьянская Правда" от 5/XII 1932 г<ода> за № 236, где я беспощадно вскрывал всю вредительскую работу правления колхоза "Труд", членом которого я состоял, под заголовком "Премированный вредитель". Этими лицами были Председатель колхоза "Труд" Курги Андрей, сын кулака довоенного времени, дезертир Кр<асной> Армии; Курги Александр, родной дядя Председателя колхоза, в прошлом кулак, дезертир Кр<асной> армии, активный участник в борьбе против Советской власти в годы гражданской <войны> и активный вербовщик войск в армию Юденича <в> "Ингермаланский полк". В колхозе был Председателем Ревкома, впоследствии завхоз колхоза, где продолжил свою вредительскую работу, обложен <в> индивидуальном порядке <в> 1933 г<оду>, при содействии своего племянника, Председателя колхоза Курги Андрея, освобожден; Курги Абрам, член колхоза, кулак довоенного времени, отец председателя колхоза, способствовал вредить и портить колхозное добро. Хейккинен Устинья, счетовод колхоза, дочь тестя завхоза Курги Александра, заведомо составляла фиктивные записи, которые были обнаружены Ревкомиссией, но замазаны Правлением колхоза. Ахонас Иван Адамович, чл<ен> правления колхоза, в прошлом кулак довоенного времени, мой бывший хозяин-эксплуататор, у кого я батрачил, пьяница, собутыльник этой кучке, вредитель, всячески скрывал

вредительские действия Курги и К°. Вот этим людям я действительно помешал, им я был бельмом на глазу, да и вполне понятно, что ни одному вредителю и белобандиту еще не пришелся по душе человек, который отдает все, я ненавистный им, власти, за ту власть, которая является единственной властью бедняков и всех трудящихся, и грозой врагов всех мастей.

Человек, который в самую тяжелую минуту, в самые тяжелые, полные лишения годы идет добровольцем в армию, не боясь каких бы то ни было лишений, с которыми хорошо был знаком в царской армии. Выходец Кр<асной> армии активно принимает участие и работает в общественных и советских организациях, в налаживании разрушенного войной народного хозяйства; беспощадно вскрывает на страницах печати все кулацкие махинации; постепенно приучает деревню <к> совместной общественной обработке земли, путем организации общественных запашек по линии Комитетов Взаимопомощи, которое доходило до 10 десятин, для этого отняв у кулацкой части все арендные земли, на кабальных сделках арендованные. Человек, который никак не хочет мириться, ни на какие уступки идти, а почти один борется в то время, когда они сговаривают всю деревню, громят семенные фонды, избивают представителей Сов<етской> власти, чл<енов> с<ель>с<вета>, для этого подпаивают соответствующий элементы. И этот один осмеливается возбудить дело против шайки, и, конечно, <они> получают по заслугам разные сроки наказания от Советского суда, дело было весной 1930 г<ода>, а впоследствии организует колхоз не только в своей деревне, но и в соседних деревнях. Физически им не удалось ликвидировать, слишком осторожен, остерегался, не пошел на льстивые уговоры пьяных кулацких агентов, брошенный ночью камень в окно не достиг цели. Эти лица, по отбытию наказания и, видя неверную политику, прикидываются невинными овечками, пролезают в административные и хозяйственные должности в колхоз, где продолжают, "как уже указывал", вредить, пользуясь тем, что я действительно имел, как выше указывал, с 1924 по 1927 г<од> вынужденное применение наемной силы. И на основании неправдоподобных и неверных показаний — добились того, что меня исключили из колхоза в 1933 г<оду>, где я и мое семейство пробыли 3 года; добились того, что меня обложили <в> индивидуальном порядке, задним числом, т<о> е<сть> за те годы, когда я уже работал в колхозе, добились лишения гражданских прав, и добились того, что для меня самое тяжелое, позорной высылки из родины в Среднюю Азию, как самого вредного социально опасного, как самого отъявленного врага против Советской власти элемента. Я до сих пор не могу опомниться от того позорного удара, который пал на мою долю. Это от той власти, за которую не раз жертвовал жизнью, как на фронтах гражданской войны, так и на фронте мирного строительства — именно от тех, и по вине тех, которые в минуту жизни трудную, при всяком удобном случае активно боролись против сов<етской> власти, ничем не брезгуя. Если я не был бы обязан своей жизнью своему потомству, конечно, я этих строк не писал бы.

Настоящим обращаюсь к Вам, защитнице политзаключенных, оказать соответствующее содействие в восстановлении меня в правах гражданства, разрешить мне право выезда на родину и продолжать так же честно, как и раньше, работать в пользу Советской страны.

Надеюсь, что моя просьба не останется без внимания, и в конце концов правда восторжествует, и с меня смоеся то позорное пятно, которым я заклею и опозорен, ибо считаю свое выселение и лишение гражданских прав неверным и незаконным. Если выше указанные лица живут и пользуются всеми благами Советской власти, то я не меньше их имею на это право.

Проситель трудпереселенец Хирвонен П. И.

Мой настоящий адрес:

Средне-Азиатская жел<езная> дор<ога>.

Станция Сыр-Дарьянская

Совхоз "Пахта Арал",

отделение "Октябрьское".

Хирвонен Павел Иванович»¹.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1483. С. 54-57. Автограф.